

ИММАНУИЛ КАНТ И РУССКИЕ ОТЦЫ СЕМЕЙСТВ

Александр Морозов

Александр Морозов — российский публицист и общественный деятель. Соучредитель центра «Новая политика» (www.povorot.ru). Постоянный автор «Новой политики», «Русского журнала», «Прогнозис» и других российских изданий.

РЖ Уважаемый Александр Олегович, как вы считаете, действительно ли сейчас появилась мода на философию в российской политике? Грубо

говоря, становится ли философия частью политики?

Действительно, возрастает интерес к политической философии. Ведь целое десятилетие у нас господствовала «реальная политика», некий «политический менеджмент», который, вообще говоря, посвящал себя накачиванию ресурсов власти. Ну, вот «накачали». Встал вопрос: как жить? А ответа нет. Потому что утрачены более широкие смысловые горизонты. Человеку-то — неуютно. Продолжают уезжать. И мы все чувствуем, что жизнь в России по-прежнему как-то «попирает» достоинство. И чувствуется, что вовсе не самостоятельный, своим умом живущий человек, является основной общественной системы, ее ядром, ее субъектом. И даже — не капитал, как думал Маркс. А субъектом является довольно архаическая, теневая, криво институционализированная власть. Которая сама себя воспроизводит, сама себя и пожирает. Заодно она пожирает и все пространство вокруг себя. И отсюда и вопрос: а, может быть, надо перестать читать Бжезинского и начать читать Канта?

Все постсоветское двадцатилетие в России происходил довольно странный процесс: с одной стороны, околовластные структуры генерировали какой-то политический дискурс. В центре расположилось «учение о вертикали» с весьма архаическим ядром в виде дихотомии «власть-народ». Если вы прочтете внимательно выступление Владислава Суркова «Русская политическая культура. Взгляд из утопии» — вы поразитесь. Автор — вслед за большинством советологов 1970–80-х годов — субстантивирует такие черты русского национального политического мышления, как «централизация» (потребность в сильной власти), «персонафикация» (т. е. потребность рассматривать политического лидера как племенного вождя), идеализм (понимание справедливости в романтическом ключе, как упование о «высшей справедливости») и проч.

Текстов с «дискурсом власти» в эти годы были произведены тонны.

А на периферии у нас в эти же годы под видом «политической

ХОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ В ОБЩЕСТВО

Всем хорошо известно, что философия не просто академическая дисциплина, которую обязательно должны учить все, кто желает получить высшее образование. Философия (какая бы она ни была) — это еще и что-то такое, что имеет значение для общества. Еще Гегель говорил, что современная эпоха отражается в философии. И речь идет вовсе не о политической философии, а именно о том, когда сама философия становится политикой, неким общественным проектом.

Создается ощущение, что в России сейчас именно такой период, когда в академии философия либо хиреет, либо запирается в «башню из слоновой кости», не обращая внимания на то, что творится в мире. Между тем неакадемическая философия становится все бо-

лее публичной, превращаясь в некий политический проект. Примеры? Клуб политических блогеров имени Иммануила Канта «с философским душком», открытый блогером и публицистом Александром Морозовым. Философский колледж, организованный профессиональными молодыми философами, у которых либо не сложилась академическая карьера, либо она их просто-напросто не удовлетворяет, поэтому они пытаются вывести философию на улицу.

Здесь же можно добавить творческую активность главного редактора журнала «Логос» Валерия Анашвили, который открыл собственный Центр политической теории в рамках Института общественного проектирования, заменивший безвременно почивший Центр политической философии, возглавляе-

мый либеральным Андреем Колесниковым (между прочим, тоже яркий пример хождения философии в политику). Более того, журнал «Логос», в котором ранее печатались исследования и тексты о феноменологии и аналитической философии, определенно дрейфует в сторону текстов политических.

Характерно, что в начале 2000-х годов и в США были распространены подобные философские клубы, в которых обсуждались различные философские вопросы. Люди встречались в кафе и разговаривали о смерти субъекта и не только. Но в данном случае люди объединялись из-за экзистенциального страха, появившегося после 11 сентября. Что-то подобное происходит сегодня и в России, но уже не на основе страха, а на базе экзистенциальной надежды на перемены. ■

философии» расположились геополитики, специалисты «по доктрине управляемого хаоса», «евразийцы», толкователи намерений «вашингтонского консенсуса».

Специалисты либо уехали, либо замолчали. В результате те дискуссии, которые слышны в публичном пространстве — неимоверно провинциальны. Мы дрейфуем от европейского контекста. Мы уже не в состоянии говорить о ценностях, об основаниях политики, о пространстве политического, о демократических процедурах — в том проблемном поле, в каком эта тематика сейчас обсуждается.

Задача в том, чтобы остановить этот дрейф. Ведь он ведет в никуда.

РЖ *А кто является интеллектуальными лидерами этого процесса?*

В сфере политической философии такая же ситуация, как в науке в целом. Лучшие — знающие и деятельные люди — уехали за эти годы. Они вне России востребованы. Старшее поколение, оставшееся здесь, выбывает просто по возрасту. Возник поколенческий разрыв.

Что-то у нас, конечно, есть. Например, Владислав Иноземцев, Валерий Анашвили, Юрий Кузнецов и др. много сделали, чтобы ввести в оборот текущую литературу по политической философии. Но сейчас обнаружилось, что эти переводы как бы падают в никуда. Мы выпали из больших длинных дискуссий (скажем, «Кант — Хабермас — Ролз», или «Аристотель — Макинтайр — Нозик»). Эмпатически воспринимается какая-нибудь тема из Фуко или Шмитта, она некритически перетекает в политическую публицистику.

Интеллектуальными лидерами могут быть те, кто не спрямляет углов, те, кто остается в традиции критического мышления. В сфере политической философии в России надо как-то оставить дрейф в сторону эстетизма, вернуться к дискуссии о ценностях, к философским основам права.

РЖ *Именно поэтому сейчас актуализируются споры о том, можно или нельзя издавать Шмитта, становится популярным Кант?*

Почему Кант, а не Макиавелли или почему Кант, а не Шмитт? Ответ очень прост: в последние восемь лет, при Путине, руководство при помощи небольшой группы интеллектуалов пыталась опереться на дискурс власти. Власть является, конечно, чрезвычайно обаятельной субстанцией, она притягивает, она очень энергична. Хочется постоянно двигаться в ее коридоре. Но я хочу перенести акцент с власти на другую сторону. Существует ли вообще другая сторона, кроме власти?

Надо выйти из дихотомии «власть-народ». **Собственно говоря, с другой стороны власти находимся мы.** А кто эти «мы»? Это очень существенный вопрос. Ведь «мы» — это некое разнообразие. И, возможно, то что этому разнообразию не препятствует и в то же время нас объединяет — это то, что мы — всего лишь «отцы семейств», т. е. те, кто сегодня и здесь имеют дело со всей социальной жизнью. Поскольку она затрагивает условия существования и нас, и наших детей и наших еще живущих родителей.

Кант, например, прекрасно понимал, о чем тут идет речь. Это он впервые так отчетливо проблематизировал понятия публичности, достоинства личности, автономии. Он понимал, что **персонально ответственные, отвечающие за самих себя люди и являются субъектами исторического процесса.**

Речь идет не о «популярности Канта вместо Шмитта». Шмитта можно и нужно издавать. Речь о том, чтобы вернуться в пространство длинных и влиятельных европейских дискурсов, которые позволили бы российскому обществу понять: а на каких ценностях будет базироваться ядро нашего общества? Ну, хорошо, вот сейчас выясняется, что «постсоветский транзит» все еще не закончен. Но он должен же когда-нибудь закончиться — весь этот цирк со «спецпропагандистами», «нашистами», с «игрой в сталина», с подгреваемым сверху расколом общества, с этими неприличными выборами и т.д..

Кто может быть «субъектом перемени»? Как мы сможем от «недо-

стойной» жизни перейти к достойной? Кто проводник этого процесса?

Философ Иммануил Кант входит в политическую моду

Мы же видим, что из бочки власти уже хлещет через край. А ведь для нее самой ей всегда себя мало.

Противостоять авторитарности невозможно политически, противостоять можно только культурно. Обнадешивает то, что ни разу в новейшей истории авторитаризм на длительной дистанции не смог противостоять культурному сопротивлению. Потому что на стороне культуры находится по-разному, но всегда сложно организованный человек.

РЖ *На ваш взгляд, действительно философия как-то по-новому входит в политику?*

Нет. Это пока только возможность. Она состоится, если возникнет пространство, в которое войдут, скажем, специалисты из Высшей школы экономики, из Европейского университета (СПб), молодые люди с кафедры этики МГУ, заработает Центр политической теории, который создает Анашвили.

Сделать философию — и в частности, политическую философию, — «звучащей» — это значит создать пространство, в котором есть сильное эхо. Ведь «политическая философия» — это не эзотерика. Это, собственно говоря, публичная философия. ■

*Беседовали Никита Куркин
и Александр Павлов*